

Дама с рубинами. Совиный дом

«Дама с рубинами»

Ходят слухи, что в доме Лампрехтов живет призрак — дух женщины, которая перед смертью просила супруга не жениться снова. Но он нарушил обещание. Однажды дочь хозяина дома Маргарита видит в окне запертой комнаты силуэт женщины. Девушка и предположить не могла, кто это на самом деле...

«Совиный дом»

Красавица Клодина становится компаньонкой герцогини, а еще — предметом обожания ее супруга. Он хочет соблазнить девушку, и кузен Лотарь, чтобы спасти репутацию Клодины, делает ей предложение...

ДАМА С РУБИНАМИ
СОВИНЫЙ ДОМ

Евгения Марлитт

Евгения Марлитт

Дама с рубинами

СОВИНЫЙ ДОМ

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

© DepositPhotos.com / Konrad Wąk, обложка, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

ISBN 978-966-14-4363-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Електронна версія створена по виданню:

На смертному одрі дружина Лампрехта взяла з нього клятву не брати шлюб знову. Порушивши її, він жорстоко поплатився, і тепер привид пані з рубінами переслідує його нащадків... («Пані з рубінами»)

Збіднілі дворяни Йоахим і його сестра Клодіна змушені переселитися в скромну садибу з розкішного замка, де панує герцог, у якого спалахнула пристрасть до дівчини... («Совиний дім»)

Марлітт Е.

М28 Дама с рубинами. Совиный дом : романы / Евгения Марлитт ; худож. А. Семякин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. — 496 с. : ил.

ISBN 978-966-14-3842-1 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2048-0 (Россия)

На смертном одре супруга Лампрехта взяла с него клятву не жениться вновь. Нарушив ее, он жестоко поплатился, и теперь призрак дамы с рубинами преследует его потомков... («Дама с рубинами»)

Разорившиеся дворяне Йоахим и его сестра Клодина вынуждены переселиться в скромную усадьбу из роскошного замка, в котором теперь властвует воспылавший к девушке страстью герцог... («Совиный дом»)

УДК 821.112.2

ББК 84.4Г

Дама с рубинами

Глава 1

Надев рабочий фартук, тетя Софи принялась снимать белье с высоко натянутых веревок. Сердце ее радовалось: скатерти, полотняные простыни и наволочки были белее свежеснеженного снега. Надо сказать, что погода с незапамятных времен благоприятствовала отбеливанию полотняных сокровищ почтенного дома «Лампрехт и сын». В главном здании, фасад которого выходил на самую лучшую часть рынка, было достаточно и комнат, и залов, обитателей же было немного, так что в верхнем этаже восточного флигеля не было никакой нужды.

Но люди говорили другое. Несмотря на то, что пристроенная часть, ярко освещенная солнцем, со своими высокими, задернутыми гардинами окнами, казалась такой мирной, она была местом таинственной, постоянной и давней борьбы привидений. Так гласила молва в близлежащих улицах и переулках, и обитатели дома ее не опровергали. Да и к чему: ведь с 1795 года, когда в боковом флигеле скончалась после родов красавица Доротея, госпожа Лампрехт, не было ни одного из слуг, кто хотя бы раз не видел длинного шлейфа белого пеньюара, волочившегося по полу коридора. Потому-то никто и не жил в этом доме, считали люди. Причиной же всей этой чертовщины было нарушение клятвы.

Юстус Лампрехт, прадедушка нынешнего главы семейства, торжественно поклялся своей умирающей жене, госпоже Юдифи, что не женится вторично. Она потребовала этой клятвы будто бы ради двух своих сыновей, но на самом деле из-за безумной ревности не хотела уступать другой своего места рядом с овдовевшим мужем. Однако у господина Юстуса было горячее, страстное сердце, и такое же сердце билось в груди его воспитанницы, жившей у них в доме. Та не желала отказываться от своего возлюбленного и готова была идти за ним хоть в ад, тем более выйти за него замуж назло ревнивой

покойнице. Они жили как два голубка, пока в один прекрасный день прелестная молодая госпожа Доротея не удалилась в боковой флигель, где в убранной с княжеской роскошью комнате произвела на свет дочку. Господин Юстус Лампрехт чувствовал себя на вершине блаженства.

Была суровая зима, и на дворе трещал жестокий мороз, когда в ночь под Рождество, с последним ударом часов, дверь из коридора в комнату роженицы медленно, торжественно отворилась, и покойница влетела, вся точно окутанная паутиной. Облако в сером платье и кружевном чепце проскользнуло под шелковый балдахин и улеглось на роженицу, словно покойница хотела высосать кровь из ее сердца. У сиделки отнялись со страху руки и ноги, и, вся оледенев от смертельного холода, который исходил от привидения, она лишилась чувств и пришла в себя только когда закричала новорожденная.

Нечего сказать, хорош был рождественский подарок! Дверь в холодный коридор стояла широко открытой, госпожи Юдифи и след простыл, а госпожа Доротея сидела, выпрямившись в постели, вся дрожа от ужаса и стуча зубами; лихорадочный взор ее был прикован к ребенку в люльке. Потом она впала в безумие и через пять дней уже лежала в гробу с мертвым младенцем на руках. Доктора говорили, что мать и дочь умерли вследствие сильной простуды: сиделка по небрежности плохо затворила дверь. Сама же она заснула и видела страшный сон...

Предметом торговли предприятия «Лампрехт и сын» вплоть до конца прошлого столетия было полотно. Торговый дом нередко называли «Тюрингский фуляр»[1], что как нельзя лучше этому соответствовало.

Внутри дом на рынке походил в те времена на пчелиный улей: там царило постоянное движение. Тюки полотен громоздились до самой крыши, тяжело нагруженные фуры вывозили их со двора, и они отправлялись во все стороны света.

Как все меняется! Торговля полотном давно была заменена производством фарфора на фабрике, находящейся в близлежащей деревне Дамбах.

Теперь главой дома «Лампрехт и сын» был вдовец с двумя детьми. Тетя Софи, последняя представительница боковой линии Лампрехтов,

вела хозяйство, соблюдая строжайший порядок и бережливость и ни в чем не роняя чести фамилии. Госпожа советница и ее супруг, господин советник, — родители покойной жены господина Лампрехта — жили на третьем этаже главного дома. Старик сдал в аренду свое дворянское поместье, уйдя на покой, но не мог подолгу выносить городской жизни, а потому часто покидал жену и единственного сына и больше проживал в Дамбахе, на деревенском воздухе, где к тому же и лес, и охота были под рукой; здесь в его распоряжении был довольно большой, примыкавший к фабрике зятя павильон, в котором он мог жить сколько угодно.

Поблизости, на ратуше, пробило четыре часа: это было время послеобеденного кофе, которым заканчивалось беление. Огромные корзины мало-помалу наполнились белоснежным бельем, и тетя Софи стала осторожно укладывать в ящики драгоценные старинные полотна. Вдруг ее как ножом полоснуло по сердцу.

— Вот так дела! — вскрикнула она испуганно и смущенно, обращаясь к своей помощнице, старой служанке. — Посмотри-ка, Бэрбэ! Скатерть с «Браком в Кане» порвалась, смотри, какая дыра! Конечно, это же старая вещь. Ее принесла в приданое еще госпожа Юдифь.

Бэрбэ громко кашлянула и украдкой покосилась на окна восточного флигеля.

— Ах, людей, которые не лежат спокойно в могилах, не надо называть вслух по имени, фрейлейн Софи, — упрекнула она ее, понизив голос и неодобрительно покачав головой. — Особенно теперь, когда они опять начали появляться. Кучер видел вчера вечером, как в углу коридора мелькнуло белое платье.

— Белое? Ну так это не было привидением в сером паутинном платье. Толстяк кучер просто дурачит вас там, в людской. Погодите, вот узнает хозяин! Из-за вашей трусости опять начнут болтать бог знает что о его доме. — Она пожала плечами и сложила скатерть. — Мне-то, собственно, все равно. Я даже люблю, когда люди говорят: «Белая женщина в доме Лампрехтов!» Да, Лампрехты настолько древняя и знатная фамилия, что могут позволить себе такую роскошь, как привидение, подобное тем, что живут в замках.

Последние слова, очевидно, были сказаны уже не для служанки. Карие глаза тети Софи весело посмотрели в направлении нескольких

лип перед ткацкой — там блестели очки на тонком носу советницы. Старая дама вынесла своего попугая на свежий воздух и охраняла его от кошек; она вышивала, а около нее сидел за выкрашенным белой краской садовым столом ее внук Рейнгольд Лампрехт и писал что-то на грифельной доске.

— Вы, конечно, говорите это несерьезно, милая Софи, — сказала советница, слегка покраснев и строго глядя на нее поверх очков. — Такими священными привилегиями шутить нельзя, это неприлично, более строгие люди сказали бы — демократично.

— Ну да, это похоже на ваших строгих людей, — засмеялась тетя Софи. — Им бы только опять бродить по свету с огнем и мечом. Но почему же, если человек не хочет ползать по земле, как червяк, то он демократ? Выходцы с того света наводят ужас равно на всех людей, не делая никаких различий, и «белая женщина» в любом замке выходит из тлена, как и красавица Доротея, жена прадеда Юстуса.

Старая дама от возмущения сморщила свой тонкий нос. Она отложила пяльцы с вышивкой и подошла к Бэрбэ.

— Как, и кучер тоже видел что-то вчера в коридоре? — спросила она с любопытством.

— Видел, госпожа советница, и даже сегодня не может опомниться от испуга. Он до сумерек натирал полы в парадных комнатах, а когда стал уходить, ему показалось, что позади него тихонько отворилась дверь в коридор, где, госпожа советница, никогда не бывает живой души! Ноги у него как свинцом налились, и он весь похолодел, но все-таки еще нашел силы отойти немного в сторону и оглядеться, когда мимо него по длинному коридору пронеслась тонкая-тонкая фигура, вся в белом с головы до ног.

— Не забудь черных лайковых перчаток, Бэрбэ, — вставила тетя Софи.

— Что вы, фрейлейн Софи, на привидении не было ни одной черной нитки! Долетев до конца коридора, оно превратилось в туман и исчезло, кучер говорит, «как дым, развеянный ветром». Его теперь не затащить туда в сумерки и десяти лошадям.

— Никому и не нужно испытывать его мужество: это настоящая баба со своими рассказами! — сказала тетя Софи, не то смеясь, не то сердясь, и взялась за салфетку, чтобы снять ее с веревки, но бросила и

повернулась, пораженная. — Тьфу, пропасть, что это мчится там? Ты вечно шалишь, Гретель!

Под высокий свод ворот въезжала хорошенькая детская коляска, запряженная парой козлов, ими управляла, туго натянув вожжи, девочка лет девяти. Круглая соломенная шляпка с широкими полями слетела у нее на затылок и держалась на лентах, подвязанных под подбородком, образуя венец, какой рисуют на образах, вокруг ее темных локонов, разметавшихся во все стороны от ветра.

Экипаж докатился до лип, под которыми сидел маленький Рейнгольд, и остановился, напугав громко закричавшего попугая; мальчик соскользнул со скамейки.

— Грета, ты не умеешь ездить на моих козлах. Я этого не хочу! — проворчал он слезливо, и его худенькое личико покраснело от гнева. — Это мои козлы, мне их подарил папа!

— Не буду больше, никогда не буду, Гольдхен, — стала уверять его сестра, выходя из «экипажа». — Не сердись! Ведь ты меня любишь? — Мальчик опять влез на скамейку и неохотно позволил ей обнять себя с бурной нежностью. — Ведь Гансу и Вениамину тоже хочется погулять! Бедняжки так долго были заперты в конюшне в Дамбахе.

— И ты в самом деле приехала одна из Дамбаха? — спросила госпожа советница, и в ее голосе послышались страх и негодование.

— Конечно, бабушка! Не может же толстый кучер сесть со мной в детскую коляску! Папа поехал домой верхом, а я должна была ехать в большой повозке с факторшей[2], но я не могла дождаться, пока она кончит торговать.

— Какое безумие! А дедушка?

— Он стоял у ворот и держался за бока от смеха, когда я промчалась мимо него.

— Да, ты и дедушка... Вы оба... — Старая дама вовремя спохватилась, не докончив своего резкого замечания, и указала на платье внучки. — И на что ты похожа? Ты же по городу ехала в таком виде!

Маленькая Маргарита теребила ленты своей шляпки, пытаясь их развязать, и совершенно равнодушно взглянула на вышитый подол своего белого платья.

— Пятна от черники! — сказала она хладнокровно. — И поделом вам: зачем всегда надеваете на меня белые платья? Бэрбэ говорит, что

лучше всего носить дерюгу.

Тетя Софи смеялась, ей вторил мужской голос. Почти одновременно с маленьким экипажем во дворе появился красивый девятнадцатилетний юноша, сын советницы, ее единственный ребенок (она была второй женой своего мужа и мачехой покойной госпожи Лампрехт). Молодой человек нес под мышкой связку книг — он возвращался из гимназии.

Девочка бросила на него мрачный взгляд.

— Нет ничего смешного, Герберт, — проворчала она сердито, берясь за вожжи, чтобы ехать к конюшне.

— Хорошо! Слушаю, барышня! Не смею спросить, готовы ли ваши уроки. Кушая чернику, вы вряд ли изволили повторить французский, и могу себе представить, сколько клякс будет в тетради, когда придется второпях писать вечером.

— Ни одной! Я буду внимательна и постараюсь писать хорошо назло тебе, Герберт.

— Сколько раз нужно тебе повторять, непослушное дитя, чтобы ты называла его не «Герберт», а «дядя», — сердито заметила госпожа советница.

— Ах, бабушка, какой он дядя, хотя бы был десять раз папин шурин! — возразила упрямо малютка, нетерпеливо встряхивая густыми темными кудрями, которые падали ей на лоб. — Настоящие дяди должны быть старыми! Я же хорошо помню, как Герберт ездил на козле и бросал мячиком и камнями в окна.

При этой бесцеремонно высказанной детской критике молодой человек покраснел и принужденно засмеялся.

— По тебе плачет розга, дерзкая девчонка, — проговорил он сквозь зубы, смущенно взглядывая на находившийся как раз напротив пакгауз. Несколько покосившаяся внешняя деревянная галерея, которая шла вокруг старого дома перед окнами верхнего этажа, вся заросла густо сплетенными ветвями жасмина, местами образовавшими круглые своды, через которые в комнаты проникали свет и воздух. В одной из таких зеленых ниш мелькало иногда что-то золотым матовым блеском, над балюстрадой поднималась нежная белая рука и задумчиво проводила по золотистым волосам. Но в данную минуту там все было тихо и неподвижно.

Госпожа советница одна заметила взгляд, украдкой брошенный ее сыном. Она не сказала ни слова, но насупилась и демонстративно повернулась спиной к пакгаузу и въезжавшему во двор всаднику. Фигура на коне была весьма величественной. Господин Лампрехт был очень красив: стройный, с густыми черными бровями и небольшой черной бородкой, он был полон достоинства, несмотря на то что каждое его движение выдавало пылкость характера.

— Папа, вот и я! Я приехала на целых десять минут раньше тебя. Мои козлы бежали намного быстрее твоего Люцифера! — торжествовала Маргарита, которая выскочила из конюшни, слышав цокот копыт по мостовой.

Стук отворяемых ворот вызвал движение и за зеленым трельяжем деревянной галереи над проездом: из-за жасмина выглянула белокурая головка; молодое лицо, сияющее весенней свежестью, и светлое платье девушки так ярко выступали на зеленом фоне листьев, что невольно должны были привлечь к себе все взоры.

Она выглянула из зеленой ниши, будто хотела посмотреть, кто едет; две толстые косы упали на балюстраду, ветер развевал вплетенные в них голубые ленты. На балюстраде, вероятно, лежали цветы, так как при ее быстром движении несколько чудесных роз упали на мостовую к ногам лошади. Та отпрянула назад, но всадник успокоил ее, погладив по шее, и въехал во двор. Он снял шляпу и, глядя прямо перед собой, проехал по цветам, не обратив на них внимания и даже не подняв головы к галерее, чтобы посмотреть, откуда они упали, — господин Лампрехт был гордый человек, и советница сочувствовала жильцам заднего дома, что он мало обращал на них внимания.

Но его маленькая дочь думала иначе. Она подбежала к пакгаузу и подняла цветы.

— Вы, наверное, плетете венок, фрейлейн Ленц, — крикнула она на галерею. — Две розы упали. Бросить их вам или принести наверх?

Ответа не последовало — молодая девушка ушла внутрь дома, видимо, испугавшись отпрянувшей лошади.

Лампрехт тем временем спешил и был достаточно близко, чтобы слышать, как советница с неприятным удивлением сказала тете Софи:

— Как могло случиться, что Гретхен познакомилась с этими людьми?

— Я ничего об этом не знаю, но думаю, что она ни разу не была в пакгаузе. У девочки доброе сердце и ничего больше, госпожа советница. Гретель готова услужить всякому — вот настоящая вежливость, не то что у тех, кто наговорит тысячу комплиментов, а в душе дурно думает о других людях. Но, может быть, ребенок просто любит все прекрасное, я сама в этом грешна: как увижу прелестную девушку на галерее, у меня просто душа радуется.

— Ну, это дело вкуса! — заметила небрежно советница. — Я никогда не любила блондинок, — прибавила она тихо. — Впрочем, я ничего не имею против любезности Гретхен, меня даже радует, что и она может быть вежливой. Я, конечно, не принадлежу к тем, кто плохо думает о других, мне этого не позволяет христианская кротость, но я придерживаюсь консервативных взглядов и считаю, что известные границы между людьми должны существовать. Хотя эта девушка и была воспитательницей в Англии, но здесь она только дочь человека, служащего на фабрике, и это должно определять наши отношения с ней, не правда ли, Болдуин? — обратилась она к своему зятю, который поправлял седло на лошади.

Тот поднял голову, и его темные глаза украдкой бросили на кроткую женщину взгляд, полный такой злости, как будто он хотел ее уничтожить.

Ей пришлось подождать, пока он наконец равнодушно ответил, точно думая о другом:

— Вы всегда правы, матушка. Кто бы посмел не согласиться с вами!

Господин Лампрехт надвинул шляпу на лоб и повел лошадь к конюшне, устроенной в бывшей ткацкой.

Глава 2

Под липами между тем происходил довольно громкий разговор. Маргарита положила подобранные ею розы на садовый стол. «Пока фрейлейн Ленц не придет на галерею», — заметила она, становясь коленями на скамейку около маленького брата.

— Посмотри, Грета, — сказал Герберт, показывая на грифельную доску. Лицо его все еще было красным, и говорил он слегка дрожащим, точно не своим голосом. «Вероятно, со зла», — подумала девочка и увидела, как Герберт, очевидно по рассеянности, спрятал одну розу в карман.

Всегда сдержанный молодой человек стал неузнаваем. Бледный, зло сверкая глазами, схватил он маленькую ручку, прежде чем она успела дотянуться до цветка, и отбросил ее, как вредное насекомое.

Девочка пронзительно закричала, а Рейнгольд, испуганный, вскочил со скамейки.

— Что у вас тут такое? — спросил господин Лампрехт, который только что передал лошадь подоспевшему работнику и подходил к столу.

— Он не смеет, это все равно что украсть! — закричала девочка, у которой еще не прошел испуг. — Розы эти принадлежат фрейлейн Ленц.

— Ну и что же?

— Герберт взял белую, самую красивую, и спрятал в карман!

— Что за шалости! Какие глупые шутки, Герберт, — сказала в сердцах советница.

Лампрехт казался разгоряченным от верховой езды, словно вся кровь бросилась ему в голову. Он молча подошел к Герберту, помахивая хлыстом, который все еще держал в руках. С оскорбительно высокомерной, насмешливой улыбкой смерил он покрасневшего, смущенного юношу взглядом прищуренных глаз, которые метали искры.

— Оставь его, малютка, — проговорил он наконец, небрежно пожимая плечами. — Герберт стянул розу для школы, завтра во время

урока ботаники он представит своему учителю прекрасный экземпляр «Розы Альба».

— Болдуин... — Голос молодого человека прервался, как будто кто-то схватил его за горло.

— Что с тобой, мой мальчик? — обернулся к нему с иронической поспешностью господин Лампрехт. — Разве неправда, что лучший ученик школы, самый честолюбивый из всех, думает перед выпускным экзаменом только о школьных занятиях? — Он насмешливо рассмеялся, потрепал молодого человека по плечу и повернулся, чтобы уйти.

— Мне надо поговорить с тобой, Болдуин, — закричала ему вслед советница, берясь в который раз за стойку с любимым попугаем. Лампрехт почтительно остановился, хотя не смог скрыть своего нетерпеливого желания уйти. Однако он взял птицу из рук тещи и понес ее в дом, куда впереди них пробежал, как сумасшедший, Герберт: было слышно, что он в несколько диких прыжков очутился наверху каменной лестницы.

— Герберт опять выкрутился! — проворчала Маргарита, ударив в сердцах ручкой по столу. — Я не верю тому, что он должен принести учителю розу. Папа пошутил, это, конечно, глупости.

Она собрала остальные цветы, связала их стебли лентой, которую сняла с головы, и побежала к пакгаузу, чтобы забросить маленький букет на деревянную галерею. Он упал на балюстраду, но никто не протянул за ним руки, нигде не виднелось кисейное платье, и не произнес «благодарю» голос, который так приятно было слышать.

Девочка с недовольным видом вернулась под липы. Во дворе стало необыкновенно тихо. Тетя Софи и Бэрбэ, сняв последнее белье, отнесли доверху наполненные корзины в дом, работник, заперев конюшню, ушел с какими-то поручениями со двора, а маленький тихий мальчик опять сидел на скамейке и с завидным усердием выводил буквы на грифельной доске.

Маргарита села около него и, сложив на коленях худенькие загорелые ручки, стала болтать беспокойными ножками, следя глазами за полетом ласточек.

Между тем вернулась Бэрбэ, вытерла тряпкой садовый стол, постелила скатерть и поставила поднос с чашками. Затем начала снимать и сматывать веревки. Время от времени она бросала сердитые

взгляды на девочку, которая, совершенно не стесняясь, упорно смотрела на окна верхнего этажа страшного дома: старой кухарке это казалось дерзким вызовом, который нагонял на нее легкую дрожь.

— Бэрбэ, Бэрбэ, обернись скорей, посмотри, там кто-то есть! — закричала вдруг малютка, спрыгивая со скамейки и указывая пальцем на одно из окон комнаты, где умерла Доротея. Невольно, как будто ее толкнула какая-то посторонняя сила, Бэрбэ быстро повернулась к указанному месту, выронив от страха из рук клубок веревок.

— Боже мой! Занавеска качается... — пробормотала она.

— Вздор, Бэрбэ, если б она только качалась, это было бы от сквозняка, — наставительно сказала Маргарита. — Нет, там, посередине, — она опять указала на окно, — занавеска раздвинулась и кто-то выглянул, но как же это могло быть, ведь там никто не живет?

— Видно, опять привидение взялось за свое... Та женщина, чей портрет висит в гостиной, — пробормотала Бэрбэ.

— Не смей рассказывать глупости детям, Бэрбэ, тетя Софи не велит! — закричала рассерженная Маргарита, затопав ногами. — Посмотри, как испугался Гольдхен! — Она обвила руками шею мальчика, слушавшего их с широко открытыми, полными страха глазами, и начала его успокаивать, как взрослая. — Поди ко мне, бедный мальчик, не бойся, не слушай того, что говорит глупая Бэрбэ. Привидений не бывает на свете, это все вздор!

В эту минуту пришла из дома тетя Софи, принесла кофе и поставила на стол большой круглый, посыпанный сахаром пирог.

— Гретель, дитя мое, что у вас тут такое? — спросила она, между тем как Бэрбэ побежала за укатившимся клубком веревок.

— Там, в комнате, кто-то был!

Тетя Софи, начавшая уже разрезать пирог, вдруг остановилась. Она обернулась и бросила быстрый взгляд на окна флигеля.

— Там, наверху? — спросила она, чуть улыбнувшись. — Да ты гредишь наяву, детка.

— Нет, тетя, там правда был кто-то. В том месте, где занавеси краснее, они раздвинулись, я видела даже белые пальцы, которые их раздвигали, и на мгновение мелькнула голова с белокурыми волосами!

— Это солнце, Гретель, ничего другого, — хладнокровно возразила тетя Софи, продолжая нарезать пирог. — Оно играет на стеклах и вводит в обман. Если бы у меня был ключ, мы бы сейчас же пошли

туда с тобой и убедились, что там никого нет и тебе только показалось, глупышка. Но ключ у папы, с ним теперь бабушка, и я не буду им мешать.

— Бэрбэ говорит, что выглянула женщина, портрет которой висит в красной гостиной, что она бежит по дому и пугает людей, — пожаловался Рейнгольд плаксивым голосом.

— Вот оно что! — сказала тетя Софи и, положив нож, посмотрела через плечо на старую кухарку, которая старательно наматывала веревки на гигантский клубок. — Ну уж хороша ты, Бэрбэ, настоящая подколотная змея! Что тебе сделала бедная женщина в красной гостиной, что ты пугаешь ею правнуков? — строго сказала тетя Софи. Она налила детям кофе, положила им по куску пирога и пошла высвободить розовый куст от веревок, которыми его замотала расвишарившая Бэрбэ.

— Но, как Бог свят, никакого не солнце! Уж я разужнаю, кто там бродит по коридору и прокрадывается в комнату, — прошептала про себя скептически малютка, сидя за столом и уплетая пирог.

Глава 3

— Я хочу поговорить с тобой, Болдуин. Прошу тебя, удели мне несколько минут, — сказала советница, а с тех пор как господин Лампрехт имел честь назваться ее зятем, просьбы равнялись для него приказаниям, и он всегда почтительно их выполнял.

Советница направилась к одному из маленьких, стоявших в глубоких оконных нишах кресел, полускрытых складками и кружевами шелковых гардин. Она привыкла с этого места смотреть на зятя, когда он сидел за небольшим письменным столом с изящным чернильным прибором.

— Ах, это восхитительно! — воскликнула старуха, остановившись около стола и глядя на лежащий на нем портфель.

Действительно, на медальоне, украшавшем портфель, с изумительным искусством были изображены переплетающиеся между собой нежные ростки папоротника и просвечивающая сквозь них низкая лесная поросль.

— Оригинальная идея и прелестное исполнение, — прибавила советница, рассматривая рисунок в лорнет. — Вот колокольчик тянется из своей чашечки и ягода земляники... Удивительно мило! Вероятно, это работа женщины, не правда ли, Болдуин?

— Возможно, — сказал он, пожимая плечами. — Промышленность использует теперь многие тысячи женских рук.

— Так это придумано не лично для тебя?

— Скажите мне, кто из всех наших знакомых дам был бы в состоянии сделать такую художественную, требующую громадного терпения работу, к тому же для человека, сердце которого для них навсегда закрыто?

Он отошел к другому окну, между тем как старая дама удобно устраивалась в маленьком мягком кресле.

— Ну да, в этом ты, пожалуй, прав, — сказала она, улыбаясь, тем равнодушным тоном, которым говорят о давно известных, неоспоримых истинах. — Фанни унесла с собой в могилу твою клятву в вечной верности. Третьего дня опять зашел об этом разговор при

дворе. Герцогиня вспомнила о том времени, когда моя бедная дочь была еще жива и возбуждала своим счастьем всеобщую зависть, а герцог заметил, что ни к чему превозносить доброе старое время и сравнивать с нашим, что теперь бывают люди еще более благородные. Например, уважаемый всеми Юстус Лампрехт, которого даже боялись за его строгость, открыто нарушил в молодости клятву верности, правнук же как бы пристыдил его, доказав свою верность и твердость характера.

При словах тещи Лампрехт опустил глаза. Казалось, он на минуту потерял почву под ногами, утратил свою гордую самоуверенность, смелость и сознание того, что он богат и силен, — он стоял, словно пристыженный строгим выговором, низко опустив голову и до крови кусая губы.

— Ну что же, Болдуин! — воскликнула советница и наклонилась, всматриваясь, будто пыталась понять, отчего он так тихо стоит в оконной нише. — Разве тебя не радует такое лестное мнение о тебе при дворе?

Шуршание шелковых гардин, когда он отходил от окна, заглушило вырвавшийся у него глубокий вздох.

— Герцог, кажется, больше ценит в других эти благородные качества, чем в себе самом, — он женился во второй раз, — произнес он с горечью.

— Подумай, что ты говоришь! — накинулась на него с испугом старая дама. — Слава Богу, что мы одни и нас никто не слышит! Нет, я просто не понимаю, как ты можешь позволять себе подобную критику, — прибавила она, качая головой. — Да и здесь совсем другое дело! Первая супруга герцога была очень болезненна.

— Прошу вас, не горячитесь, матушка, и оставим этот разговор.

— Оставим этот разговор! — передразнила она его. — Тебе хорошо говорить. Ты застрахован от искушения. После Фанни тебя никто не может заинтересовать. Что же касается герцогини Фредерики, то, напротив, она была...

— Зла и дурна.

Господин Лампрехт сказал это только для того, чтобы перевести разговор на другую тему, не касающуюся его лично.

Она опять неодобрительно покачала головой.

— Я бы не позволила себе таких выражений — блеск высокого происхождения украшает и примиряет со многим. Кроме того, как я уже сказала, здесь большая разница: герцога не связывало никакое обещание, он был свободен и имел право вступить во второй брак.

Сказав это, она опять откинулась на спинку кресла и спокойным, мягким движением руки отодвинула от лица кружева своего чепчика, потом сложила руки на коленях и задумчиво опустила глаза.

— Вообще, ты не можешь судить о подобных дилеммах, милый Болдуин. Фанни была твоей первой и единственной любовью, и мы с радостью отдали за тебя нашу дочь. Твои родители плакали от счастья, когда ты с нею обручился; они называли тебя своей гордостью, потому что сердце твое всегда стремилось ко всему высокому и никакие заблуждения молодости не могли заставить тебя увлечься чем-то низким. — Она вдруг замолчала, тяжело вздохнув, и устремила печальный взор в пространство. — Один Бог знает, какой заботливой, верной своему долгу матерью была я всегда, не хуже твоих родителей, и вот теперь должна быть свидетельницей того, как мой сын сбивается с пути. Герберт доставляет мне много огорчений в последнее время.

— Ваш примерный сын, матушка? — воскликнул Лампрехт.

— Гм-м, — откашлялась советница и даже приподнялась в раздражении. — Да, он еще остался примерным сыном во многих отношениях.

— Великая цель его жизни — при дворе, это я всегда говорил. Он будет подниматься все выше и выше, пока не обгонит всех других и не признает выше себя только главу государства.

— Ты этого не одобряешь?

— Боже сохрани! Я так не сказал, хорошо, если у него хватит на это сил. Но сколько людей отказываются от своих убеждений, лицемерят, льстят сильным мира сего, чтобы из низкопоклонствующих лакеев с довольно ограниченными умственными способностями превратиться впоследствии во влиятельных людей!

— Ты так презрительно отзываешься о верности, преданности и самоотверженности, — сказала сердито старая дама. — Но спрошу тебя: неужели ты можешь быть настолько зол и дерзок, чтобы не признавать достойным одобрения стремление к высшим сферам? Я ведь прекрасно знаю, как тебе приятны приглашения в

аристократические дома, и не припомню, чтобы ты когда-нибудь противоречил господствующим там мировоззрениям.

На это резкое, но справедливое замечание господин Лампрехт ничего не возразил. Он упорно смотрел на висевший перед ним на стене пейзаж и спросил после короткой паузы:

— В чем же вы упрекаете Герберта?

— В унижительном волокитстве, — вспыхнула советница. — Не будь это слишком грубо и вульгарно, я бы сказала, чтоб эта Бланка Ленц провалилась в преисподнюю. Мальчик постоянно стоит у окон галереи и смотрит на пакгауз. А вчера сквозняк на лестнице принес к моим ногам розовый листок, который, вероятно, выпал из тетради влюбленного юноши и на котором был написан, как и следовало ожидать, пламенный сонет Бланке. Я просто вне себя!

Лампрехт стоял все в той же позе, повернувшись спиной к теще, но вдруг взмахнул сжатой в кулак рукой, словно стегнул кого-то воображаемым хлыстом.

— Молокосос! — проворчал он, когда теща в изнеможении замолчала.

— Не забудь, что этот молокосос еще и знатного происхождения, — тут же заметила она, подняв палец.

Лампрехт резко засмеялся:

— Простите, милая матушка, но я не могу, при всем моем желании, считать опасным обольстителем безбородого сына господина советника, несмотря на ореол его рождения.

— Предоставь об этом судить женщинам, — раздраженно сказала советница. — Я имею основание думать, что во время своих ночных прогулок он бродит под деревянным балконом этой Джульетты.

— Он осмеливается? — перебил Лампрехт, и его красивое лицо до неузнаваемости исказилось от гнева.

— Осмеливается по отношению к дочери маляра? Ты бог знает что говоришь! — воскликнула, в свою очередь, глубоко возмущенная старуха. Но зять не стал выслушивать потока ее раздраженных слов, который должен был за этим последовать, а отошел к окну и начал так сильно барабанить пальцами по стеклу, что оно зазвенело.

— Скажи мне, бога ради, Болдуин, что с тобой? — спросила советница несколько смягченным, но все же раздосадованным тоном, идя следом за ним.

— Как вы этого не понимаете, матушка? — спросил он вместо ответа. — В моих владениях, даже в моем собственном доме, мальчишка, школьник вызывает на свидания, а я, по-вашему, не должен возмущаться? Не будем сердиться, матушка! — сказал он спокойнее, презрительно пожимая плечами. — С подростком, который должен бы знать только свой греческий и латынь, нетрудно справиться. Разве я говорю неправду?

— Вот видишь, мы с тобой одного мнения, хотя ты слишком жесток в выражениях, — с видимым облегчением воскликнула советница.

— Чтобы жениться на дочери живописца по фарфору... Возможно ли? Его превосходительство наш будущий министр... — рассмеялся Лампрехт.

— Карьера Герберта вызывает у тебя сегодня едкую насмешку. Но чему быть — того не миновать, — сказала она колко. — Оставим это, однако, теперь главное, чтобы он хорошо выдержал экзамен. И наша священная обязанность устранить все, что может его отвлечь, и, конечно, прежде всего надо удалить его от объекта этой несчастной любви в пакгаузе. Я вообще не понимаю, почему эта девушка так зажилась в Тюрингии, — продолжала советница. — Сначала говорили, что она вернется в Англию и приехала только на четыре недели к своим родителям отдохнуть. Но прошло уже шесть недель и я, как ни слежу, не вижу никаких приготовлений к отъезду. Таких родителей надо хорошенько проучить, Господи прости! Девушка буквально ничего не делает целыми днями: поет и читает, прыгает туда-сюда да втыкает цветы в свои рыжие волосы, а мать восхищается ею и в поте лица наглаживает каждый день на галерее ее светлые платья, чтобы принцесса была обольстительно-кокетливо одета. И к этому-то блуждающему огоньку устремлены все мысли моего бедного мальчика! Она непременно должна уехать отсюда, Болдуин!

Листы книги зашуршали под быстро переворачивающими их пальцами.

— Не отправить ли ее в монастырь?

— Убедительно прошу тебя оставить шуточки, когда мы говорим о серьезном и даже оскорбительном деле. Мне все равно, куда она отправится, говорю только, что она должна уехать из нашего дома.

— Из чьего дома, матушка? Это, насколько мне известно, дом Лампрехтов, а не имение моего тестя, к тому же живописец Ленц живет довольно далеко, на том дворе.

— Да, вот это и непонятно, — прервала она его, делая вид, что не слышала предыдущего замечания. — Не помню, чтобы пакгауз когда-нибудь был обитаем.

— Но теперь там живут, милая матушка, — сказал он с хорошо разыгранным хладнокровием, небрежно бросая книгу на маленький столик.

Дама пожала плечами.

— К сожалению, да. И еще для этих людей там стены оклеили новыми обоями. Ты начинаешь баловать своих рабочих.

— Живописец — не заурядный рабочий.

— Какая разница? Он красит чашки и трубки и заслуживает, по-твоему, жить в доме хозяина, в отличие от других? Ведь в Дамбахе места достаточно.

— Когда год тому назад я нанимал Ленца, он поставил мне непременно условие, чтобы я позволил ему жить в городе, потому что у его жены хроническая болезнь, которая требует иногда немедленной врачебной помощи.

— Вот оно что! — Советница на минуту замолчала, потом заявила коротко и решительно: — Согласна, против этого ничего нельзя возразить. С меня было бы довольно, если бы эта кокетка перестала порхать по галерее и голос ее не раздавался бы во дворе. Ведь есть же в городе квартиры для бедных людей!

— Вы бы желали, чтобы я ни с того ни с сего выгнал Ленца из его тихого убежища только потому, что у него красивая дочь? — В глазах Лампрехта сверкнул мрачный огонь, когда он взглянул на старуху. — Все мои люди подумали бы, что Ленц в чем-то провинился, а я этого не желаю и ни за что не сделаю, выкиньте подобные мысли из головы, матушка!

— Но, боже мой, надо же что-то делать, так не может продолжаться! — воскликнула она почти с отчаянием. — Мне остается только пойти к ним самой и постараться уговорить девушку уехать. Я не постою даже за деньгами, если понадобится.

— Вы действительно думаете так сделать? — В его голосе послышался испуг. — Вы будете смешно выглядеть, а главное,

подорвете этим странным поступком мой авторитет как хозяина. Можно будет подумать, что судьба моих служащих зависит от ваших частных интересов. Я этого не потерплю. — Он приостановился, почувствовав, что зашел слишком далеко в разговоре с чувствительной дамой. — Я всегда считал за счастье, что родители моей покойной жены живут у меня в доме, — прибавил он уже с бóльшим самообладанием. — Ваша власть в нашем домашнем обиходе была всегда полной и безграничной, я остерегался в чем-нибудь ущемить ваши права, но требую, чтобы вы не вторгались в мою область. Простите, милая матушка, но между нами могут возникнуть по этому поводу неприятности, что было бы нежелательно для нас обоих.

— Ты горячишься понапрасну, мой милый, — холодно перебила советница, заставив его замолчать движением руки. — В сущности же ты отстаиваешь так упорно только свой каприз, потом тебе будет совершенно все равно, где и как живет живописец Ленц с семейством. Я тебя хорошо знаю. Но, как бы то ни было, я уступаю. Конечно, у меня не будет с этих пор ни минуты покоя, я всегда буду настороже.

— Вы найдете во мне самого верного союзника, будьте покойны, матушка, — сказал он с сардонической улыбкой. — Даю вам слово, что не будет больше ни ночных прогулок, ни высокопарных сонетов. Я как полицейский буду следовать по пятам за влюбленным юношей, положитесь на меня.

Дверь в галерею чуть слышно отворилась, в зале раздались быстрые, вприпрыжку, шаги.

— Можно войти, папа? — послышался голосок Маргариты, и пальчики ее что есть силы застучали в дверь.

Лампрехт отворил и впустил обоих детей.

— Дитендорфское печенье вы съели еще вчера, лакомки этикие, а теперь не осталось никаких сладостей.

— Нам ничего и не надо, папа. У нас внизу есть сладкий пирог, — сказала девочка. — Тетя Софи просит дать ей ключ от комнаты в конце коридора, которая всегда заперта.

— Оттуда только что смотрела во двор женщина из красной гостиной, — добавил Рейнгольд.

— Что за бессмыслица, и что должен значить этот вздор о женщине из красной гостиной? — сердито спросил Лампрехт, не сумев, однако, скрыть напряженного ожидания ответа.

— Это только рассказывает глупая Бэрбэ, папа! Она страшно суеверна, — ответила Маргарита и поведала о том, что видела, как в окне появился большой просвет посредине спущенных гардин и в образовавшейся широкой темной щели показались белые пальцы и голова со светлыми волосами. Тетя Софи уверяет, что это был отблеск солнца, но она, Маргарита, этому не верит.

Господин Лампрехт отвернулся во время рассказа и опять взял отброшенный было миниатюрный томик, чтобы поставить его на книжную полку.

— Конечно, это было солнце, глупышка, тетя Софи совершенно права, — сказал он и, поставив наконец с необыкновенной аккуратностью книгу на место, повернулся к девочке. — Рассуди сама хорошенько, дитя мое, — продолжил он и постучал, улыбаясь, пальцем по ее лбу. — Ты приходишь ко мне за ключом от запертой комнаты, и он действительно у меня, висит вон в том шкафу вместе с другими ключами. Как же могло попасть туда какое-нибудь существо, ведь не через дверную же щель?

Девочка стояла молча и задумчиво смотрела прямо перед собой. Видно было, что она не убеждена, на ее круглом упрямом личике было ясно написано: «Что ни говори, я это видела собственными глазами!»

Советница многозначительно покачала головой, бросив выразительный взгляд на зятя, и прижала руки к груди.

— Только бы за всем этим не скрывалось чего-нибудь между Гербертом и теми людьми! Одна мысль об этом приводит меня в бешенство.

— Черт возьми! Неужели вы думаете, что такое возможно? — сказал Лампрехт, поглаживая бороду. — Тут действительно понадобятся глаза и уши Аргуса. Вечные рассказы нашей прислуги мне и так надоели до тошноты. О доме пойдет дурная слава. Я нахожу, что сделали большую ошибку, оставив флигель пустующим, из-за этого с годами и укреплялись бабьи слухи. Но я положу этому конец. Можно было бы поселить там сейчас же несколько рабочих с фарфорового завода, но им придется ходить по галерее мимо моих дверей, а я не выношу шума. Однако, чтобы скорее покончить с этим, я сам поселюсь на некоторое время в комнатах госпожи Доротей.

— Это, конечно, было бы радикальным средством, — заметила, улыбаясь, советница.

— Надо сделать еще запирающуюся дверь, которая отделила бы коридор от галереи, тогда эти труссы, приходя навверх, не будут коситься за угол и выдумывать какие-то видения. Я этим обязательно займусь.

Лампрехт взял бонбоньерку с письменного стола.

— Ну, вот вам, все-таки вы получили конфеты, — сказал он, высыпая их в руки детям. — А теперь идите вниз. Папе надо много писать.

— А ключ, папа? Разве ты забыл? — спросила маленькая Маргарита. — Тетя Софи хочет там открыть окна. Она говорит, что дождя не будет, так пусть ночью хорошенько проветрится, а завтра будут мыть полы в комнатах и в коридоре.

Лампрехт покраснел от досады.

— Это вечное мытье становится просто невыносимым! — воскликнул он, нервно проводя рукой по густым волосам. — Недавно в галерее было настоящее наводнение, у меня еще и сейчас шумит в ушах, так там скребли мочалками. К чему все это? Пойди вниз, Гретхен, и скажи тете, что это еще успеется, я сам поговорю с ней.

Дети убежали, и советница натянула пелерину, намереваясь уйти. Она довольно холодно простилась с зятем — мучившая ее забота не исчезла, живописец тверже, чем когда-либо, сидел в пакгаузе, а всегда рыцарски вежливый зять оказался несносно упрямым. Вот и теперь, несмотря на почтительный поклон при прощании, в глазах его не было и тени раскаяния или сознания своей вины — они выражали только нетерпеливое желание поскорее остаться одному. Она вышла, шурша платьем, видимо рассерженная.

Лампрехт неподвижно стоял посреди комнаты, ожидая, когда хлопнет дверь галереи и маленькие ноги в золотистых башмаках протопают по ступеням. Когда наконец замер последний звук на лестнице, он одним прыжком очутился возле письменного стола, схватил миниатюру, прижал ее к груди, потом к губам, провел ладонью несколько раз по рисунку, словно хотел стереть с нее взгляд старой дамы, и запер в ящик стола. Все это было делом нескольких секунд, затем комната опустела, розовый свет погас, и она стала мало-помалу наполняться легкими вечерними тенями.

Глава 4

В общей комнате[3] тетя Софи привольно расположилась у окошка и занялась починкой поврежденной скатерти «Брак в Кане». Ей нелегко было привести в первоначальный вид черты лица распорядителя пира, чтобы не было заметно штопки. Рядом, с домашними уроками устроились Маргарита и Рейнгольд.

Под окном со стороны рынка подрались две маленькие нищенки. Маргарита достала из кармана полученные от отца конфеты, наклонилась через подоконник и высыпала их в подставленные фартучки нищенок.

— Умница, Гретель! — сказала тетя Софи. — Вы в последнее время и так слишком много едите сладкого, а для бедных детей это большая редкость.

Относительно того, что дети ели в последнее время слишком много лакомств, тетя была совершенно права. Им даже опротивели сладости.

Как переменился папа! Раньше они проводили целые часы у него наверху; он катал их на спине, показывал и объяснял картинки, рассказывал сказки, делал бумажные кораблики, а теперь? Теперь, когда они приходили, он все бегал взад-вперед по комнате, часто смотрел на них сердито, говорил, что они ему мешают, и отправлял вниз. Иногда он забывал о присутствии детей, хватался за голову, топал ногами, потом, опомнившись, совал им в руки и карманы сладости и приказывал уходить, так как ему надо писать, много писать. Глупое писание, уже от этого одного оно всякому опротивеет!

Вследствие неприятных мыслей и особенно полного ненависти заключения перо было глубоко всажено в чернильницу, и на бумаге появилась громадная клякса.

— Ах ты, несчастная! — побранила ее, поспешно подходя, тетя Софи.

Промокательная бумага была под рукой, но, когда стали искать перочинный ножик, прежде чем тетя Софи успела что-либо сообразить, девочка уже выбежала из комнаты, чтобы попросить у папы его ножик.

Через несколько мгновений она стояла в сильном смущении наверху, около его комнаты.

Дверь была заперта, ключ вынут, и через замочную скважину девочка могла видеть, что никто не сидел на стуле за письменным столом. Что же это такое? Значит, папа сказал неправду, что ему надо много писать? Он вообще не писал, его даже не было дома!

Девочка осмотрелась в обширной галерее: она была ей хорошо знакома, но в эту минуту показалась какой-то новой, другой. Она часто бегала и играла тут с Рейнгольдом, но никогда не бывала здесь одна.

Теперь же Маргарита оказалась в одиночестве, около нее не было маленького брата, который оттаскивал бы ее назад за юбку или испуганно кричал, чтобы она вернулась.

Она шла все дальше по коридору и только хотела остановиться перед одним из шкафов, как вдруг явственно услышала, будто кто-то поворачивает дверную ручку совсем рядом с ней. Малютка прислушалась, с радостным удивлением приподняла плечи, тихонько рассмеялась и скользнула в темное место между двумя шкафами, откуда наискосок была видна дверь в противоположной стене. Интересно будет посмотреть, какие глаза сделает тетя Софи, когда она ей расскажет, что это было вообще не солнце. Тогда наконец она поверит Гретель, что то была Эмма, — как она ни притворяется, что боится, а все же таки это она была там, в комнате. Ее надо напугать, да хорошенько, ей будет поделом.

В эту минуту дверь неслышно отворилась и с ее высокого порога на пол коридора ступила маленькая ножка, потом кто-то весь в белом скользнул в узкую щель приоткрытой двери.

Правда, не было видно ни белого фартука с нагрудником, ни кокетливо подобранного платья горничной с оборками — фигура была с головы до ног окутана густой вуалью, обшитый кружевом край которой волочился даже по полу. Но это все же была Эмма, желавшая всех напугать, — у нее были такие маленькие ножки в хорошеньких башмачках с высокими каблучками и бантиками. Броситься на нее! Вот будет славно!

Ловко, как котенок, девочка выпрыгнула из своей засады, помчалась за поспешно удаляющейся фигурой, набросилась на нее сзади всей тяжестью своего тела и обхватила обеими руками, причем правая ручка сквозь вуаль попала в мягкие волны падающих ниже

тали и волос. Маргарита крепко вцепилась в них и так грубо дернула в наказание за глупую шутку, что закутанная голова пригнулась к спине.

Раздался испуганный и вслед за тем жалобный крик боли. Все случилось потом с такой поразительной быстротой, что малютка никогда впоследствии не могла дать себе в этом отчет. Она почувствовала только, что ее схватили, резко встряхнули, потом ее маленькое тельце было отброшено, словно мячик, на довольно большое расстояние, почти к началу коридора.

Здесь она лежала некоторое время, ошеломленная, с закрытыми глазами, и когда наконец подняла веки, то увидела смотревшего на нее отца. Но она едва узнала его, испугалась и опять невольно закрыла глаза, инстинктивно чувствуя, что может совершиться нечто ужасное, — вид у отца был такой, как будто он хотел задушить или растоптать ее.

— Встань! Что ты тут делаешь? — заговорил он с ней не своим голосом, резко схватив и поставив на ноги.

Она молчала, страх и неслыханно грубое обращение сковали ее уста.

— Ты слышишь меня, Грета? — спросил он, несколько овладев собой. — Я хочу знать, что ты тут делала.

— Я пошла сначала к тебе, папа, но дверь была заперта, и тебя не было дома.

— Не было дома? Что за вздор! — сердито сказал он, направляя ее к выходу. — Дверь вовсе не была заперта, ты просто не сумела ее открыть. Я был здесь, в красной гостиной, — он показал на дверь, мимо которой тащил ее, — когда услышал твой крик.

— Но ведь я не кричала, папа, — сказала Маргарита, подняв на отца широко открытые удивленные глаза.

— Не ты? А кто же мог кричать? Не будешь же ты меня уверять, что здесь был еще кто-нибудь, кроме тебя!

Он сильно покраснел от гнева и нетерпения и смотрел на нее с угрозой. Он думал, что она солгала! Правдивую девочку до глубины души оскорбило подобное предположение.

— Я ни в чем не желаю уверять тебя, папа. Я говорю правду! — храбро заявила она, глядя в его пылающие гневом глаза. — Это правда, здесь наверху кто-то был, какая-то девушка, она вышла из той комнаты, знаешь, где я видела в окне голову со светлыми волосами.

Да, она вышла из той комнаты, и на ней были башмачки с бантиками, я слышала, как стучали ее каблуки по полу, когда она убегала.

— Какое-то безумие!

Он опять шагнул по коридору. Розовое вечернее облачко уплыло дальше, и в высокое маленькое окошко смотрело сразу поблекшее небо. Серые сумерки спустились в длинный коридор.

— Видишь ли ты там что-нибудь, Грета? — спросил он, стоя позади и тяжело надавливая обеими руками на плечи ребенка. — Нет? Опомнись же, дитя. Ведь девушка, о которой ты говоришь, не могла убежать через галерею — мы загораживали ей дорогу, а все двери заперты, я это хорошо знаю, потому что у меня от них ключи. Ей оставалось только вылететь через окошко там, наверху, но разве это возможно?

Видимо, успокоившись, он взял дочь за руку, подвел к одному из окон галереи и, вынув носовой платок, стал вытирать с ее лица слезы, вызванные предшествующим испугом. При этом взгляд его выражал сочувствие.

— Понимаешь ли ты теперь, какой была дурочкой? — спросил он, улыбаясь и заглядывая ей в глаза.

Она порывисто обвила его шею своими маленькими ручками.

— Я так люблю тебя, так люблю, папа! — уверяла она со всем жаром горячего детского сердца, прижавшись худеньким загорелым личиком к его щеке. — Но не думай, что я солгала. Я не кричала, это она! Я думала, что это Эмма, и хотела напугать ее. Но у Эммы не такие длинные волосы, я только сейчас сообразила. Рука моя еще пахнет розами от косы, которую я держала, — от девушки пахло, как от чудесной розы. Да, это была не Эмма, папа. Через маленькое окошко, конечно, никто не может вылететь, но, может быть, дверь на лесенку, знаешь, которая ведет на чердак пакгауза, была не заперта.

— Упрямая девчонка! — воскликнул отец в сердцах; его лицо становилось все мрачнее. — Бабушка права, говоря, что тебя плохо воспитывают. Чтобы настоять на своем, ты выдумываешь всякие небылицы. Кому нужно прятаться в полном крыс и мышей чулане только для того, чтобы напугать и подразнить такую маленькую девочку, как ты? Я знаю, ты проводишь слишком много времени с прислугой, и она забила тебе голову своими бабьими сказками, о которых ты потом гредишь целый день. Кроме того, ты ведешь себя

как сорванец, а тетя Софи слишком мягка и снисходительна. Бабушка давно просила меня положить этому конец, и я исполню ее просьбу. Года два под чужим руководством сделают тебя кроткой и воспитанной.

— Я должна уехать? — воскликнула девочка.

— Только на два года, Грета, — сказал он мягче. — Будь благоразумна! Я не могу тебя воспитывать, бабушка, при ее расстроенных нервах, не может быть постоянно с тобой и выносить твой буйный нрав, а тетя Софи... На ней лежит все хозяйство, и ей некогда заниматься тобой как следует.

— Не делай этого, папа! — перебила она его с твердой решимостью, удивительной для ребенка. — Да это и не поможет — я вернусь!

— Увидим.

— Ах, ты не знаешь, как я могу бегать! Помнишь, ты подарил господину в Лейпциге нашего Волчка, и однажды утром добрый старый пес очутился у нас перед дверями, полумертвый от усталости и страшно голодный? Он истосковался, перегрыз веревку и убежал — сделаю то же.

Надрывающая сердце улыбка мелькнула на дрожащих губах девочки.

— От тебя всего можно ожидать, настолько ты необузданна. Но ты должна будешь покориться, с такими упрямыми расправа коротка, — сказал отец строго, а сам отвернулся и, делая вид, что смотрит во двор, беспокойно поглядывал искоса на дочь, личико которой выражало страшное душевное волнение.

Вдруг, как бы повинувшись какой-то непреодолимой силе, он быстро наклонился и нежно погладил мягкую, лихорадочно пылающую щечку ребенка.

— Будь моей доброй девочкой! — уговаривал он ее. — Я сам отвезу тебя, мы поедем вместе. У тебя будут красивые платья, как у принцесс.

— Ах, подари их лучше какой-нибудь другой девочке, папа! — возразила малютка упавшим голосом. — Я не умею их беречь, запачкаю или разорву. Бэрбэ всегда говорит: «На этого бесенка жаль что-нибудь надевать», и она говорит правду. Да я и не хочу быть такой, как девочки в замке, — она вызывающе подняла голову и перестала

теребить свои пальцы. — Я их терпеть не могу, потому что бабушка всегда так перед ними приседает...

По лицу Лампрехта скользнула саркастическая улыбка, тем не менее он сказал строгим тоном:

— Грета, вот такими-то словами ты и приводишь в отчаяние бабушку! Ты невоспитанная девочка с дурными манерами, тебя приходится стыдиться. Как раз пора увезти тебя отсюда.

Девочка подняла на него свои блестящие от слез выразительные глаза.

— Маму тоже увозили, когда она была маленькой? — спросила она, с трудом удерживаясь от плача.

Кровь бросилась ему в лицо.

— Мама всегда была благонравным, послушным ребенком, ее не надо было увозить. — Он говорил, понизив голос, как будто кроме него и дочери здесь был еще кто-то, кто мог их слышать.

— Как было бы хорошо, если бы мама не умирала! Она, правда, брала Гольдхена на колени чаще, чем меня, но никто не говорил тогда, что меня надо куда-нибудь отправить. Мамы всегда лучше бабушек. Когда бабушка уезжает на морские купания, то всегда так радуется, что даже забывает хорошенько проститься с нами. Она же не знает, как дети любят всех и все — и наш дом, и Дамбах.

Девочка остановилась, ее маленькое сердце готово было разорваться при мысли о разлуке. Прижавшись головкой к оконному стеклу, она с мольбой заглядывала в глаза высокого мужчины, барабанившего пальцами по подоконнику и, видимо, старавшегося побороть свое волнение.

Тот не отвечал на красноречивую жалобу ребенка, бесцельно блуждая взором по открывающемуся перед ним далекому ландшафту. Отведя от него глаза, он вздрогнул и перестал барабанить. Папа испугался, но чего?

Малютка подняла на него глаза с настойчивой мольбой:

— Ты еще любишь меня, папа?

— Да, Грета. — Но он не взглянул на нее, по-прежнему устремив взгляд в какую-то точку перед собой.

— Так же, как ты любишь Рейнгольда? Да, папа?

— Ну да, дитя мое!

— Ах, как я рада! Так ты меня оставишь здесь? Кто же будет играть с Гольдхеном? Кто будет его лошастью, когда меня не будет? Другие дети не захотят, потому что он так больно бьет кнутом. Ты не серьезно говорил это?

Лампрехт точно пробудился от мучительного сна, вздрогнув от прикосновения маленькой ручки, которая трясла его за руку.

— У тебя ложное представление, Гретхен, — сказал он наконец более мягким тоном. — Там, куда я хочу тебя отвезти, у тебя будет много веселых подруг, маленьких девочек, которые станут любить тебя, как сестры. Я знаю детей, которые горько плачут, возвращаясь домой. Впрочем, мы уже давно решили с бабушкой отдать тебя в пансион, только время еще не было назначено, потому что не знали, когда ты сможешь туда поступить. Я принял решение и не изменю его. Сейчас пойду к тете Софи и сделаю необходимые распоряжения.

С последними словами он направился к двери на лестницу.

— Пойдем, Грета, ты не должна оставаться здесь, наверху, — крикнул он неподвижно стоявшей у окна девочке.

Она медленно, с опущенной головой пошла по галерее. Пропустив ее вперед, отец запер дверь, вынул ключ и стал спускаться по лестнице.

Глава 5

Господин Лампрехт не обратил внимания, следовала ли за ним девочка. Он уже давно был внизу, а она все еще стояла наверху лестницы. Услышав, что он вошел в общую комнату, она стала медленно спускаться со ступеньки на ступеньку, держась за перила. Через отворенную дверь комнаты раздавался сильный, громкий голос Лампрехта и Маргарита слышала, как он рассказывал тете Софи о крике и беготне в коридоре бокового флигеля, о воображаемых привидениях среди бела дня, когда он сам был в красной гостиной. Мужчина остался при своем мнении, что девочка вообразила себе это в темном коридоре, в чем были виноваты, конечно же, рассказы прислуги, и поэтому желал как можно скорее отвезти Маргариту в пансион.

Малютка тихонько прокралась мимо двери, бросив робкий взгляд внутрь комнаты. Маленький брат перестал строить башню и слушал, приоткрыв рот, а милое лицо тети Софи помертвело, она прижала руки к груди и ничего не говорила, потому что всякие возражения были бесполезны, подумала девочка, прошмыгнув мимо. Если папа с бабушкой что-нибудь решат вместе, то никакие просьбы и мольбы не помогут — бабушка уж настоит на своем. Правда, был человек, который мог бы помочь, если бы вступился и стал шуметь и спорить, — это дедушка из Дамбаха. Он не позволит увезти свою Гретель и тем более запереть ее в большую клетку, где «все должны петь на один лад», — так всегда говорил он, когда бабушка заводила речь о пансионе. Да, он поможет! «Замолчи, Франциска! Я так хочу, а я хозяин в своем доме!» — Тогда бабушка выходила из комнаты и все делалось, как он хотел. О, если б только попасть в Дамбах, она была бы спасена!

Маргарита выбежала во двор, чтобы вывести козлов из конюшни, но работник запер дверь, да и шум экипажа могли услышать, прийти и запереть перед ее носом ворота, тогда она была бы вынуждена остаться. Надо было положиться на свои собственные ноги и храбро

бежать. Проходя мимо, она захватила оставленную на садовом столе шляпу, завязала ленты под подбородком и пустилась в путь.

«Им хорошо!» — подумала девочка и прошла по мостику в ближайший переулок, заканчивающийся проемом в городской стене, откуда шла через поля вверх, на пригорок, тропинка к Дамбаху.

Ах, сегодня после обеда все было так хорошо! Так весело было выезжать на козлах из ворот Дамбаха: дедушка смеялся и кричал ей вслед «ура!», а деревенские дети, верные товарищи ее игр, пробежали немного рядом с ней, и мальчишки удивлялись, что она может так ездить.

Теперь она возвращалась, чтобы спрятаться у дедушки. Ах, если бы он оставил ее у себя насовсем! Она бы с радостью ходила в деревенскую школу. Бабушка никогда сюда не приезжала, она говорила, что не выносит фабричного шума, на что дедушка замечал, смеясь, что живет здесь потому, что не выносит крика попугая.

Наконец узкая тропинка вывела Маргариту на поля с картофелем и репой, потом она поднялась на горку, на которой раскинулась тенистая дамбахская роща, а за ней лежала деревня. На одном дыхании взбежала она на гору, сердечко ее стучало, как молоток, а голова горела и была тяжелой, словно налитой свинцом. У дедушки в комнате теперь так прохладно; там стоит диван с мягкими подушками, на котором он спит после обеда, а она отдыхает, когда устает от беготни. Пройти еще немного за деревню — и все будет хорошо.

На обширном дворе фабрики было тихо и безлюдно, рабочие давно закончили работу. Примыкающий к фабрике сад с прекрасными аллеями и светлым прудом, в котором отражался павильон, тоже был безмолвным, только тихонько шумели верхушки деревьев и под ними уже начинало темнеть.

Даже Фридель, легавый пес дедушки, не выбежал с лаем навстречу Маргарите — порог, на котором он всегда лежал, был пуст, дверь заперта, и, как она ни звонила, никто не шевелился в доме и не шел ей открывать.

В испуге девочка беспомощно стояла перед тихим домом: значит, дедушки там не было. Но он всегда был дома, когда она к нему приезжала! Возможность его отсутствия даже не приходила ей в голову. Она обошла дом со всех сторон, и будь открыто хоть одно окно в нижнем этаже, она бы влезла в него и прыгнула через подоконник в

комнату, как часто делала из шалости, но все окна были заперты, и ставни затворены. Делать было нечего.

Готовая расплакаться, она все же мужественно сдерживала подступающие слезы. Дедушка, вероятно, пошел к фактору, который жил тут же, на фабрике. Во дворе молодая работница со скотного двора сказала ей, что фактор с женой уехали в город в возвращавшемся туда господском экипаже и что она сама видела, как господин советник отправился верхом несколько часов назад к судье в Гермелебен — там была сегодня вечеринка. Это имение было очень далеко от Дамбаха.

Боже милосердный! Что было делать бедному прибежавшему сюда ребенку? В отчаянии девочка бросилась было опять к воротам, в то время как работница вернулась в хлев. Но, сделав несколько шагов, она остановилась: бежать в Гермелебен было невозможно, это ведь так далеко! Нет, об этом нечего и думать, лучше уже ждать дедушку, быть может, он скоро вернется. Приняв это решение, девочка побежала назад к павильону и покорно уселась на пороге входной двери. Ее усталые ножки рады были отдохнуть, окружающие глубокий покой и тишина были для нее благом после быстрой ходьбы. Если бы только не стучало так в висках... Теперь, когда Маргарита прижалась к двери, боль в голове стала еще чувствительнее, и вместе с тем нахлынули беспокойные мысли. Дома давно прошло время ужина, а ее не было за столом. Ее, конечно, везде искали, и при мысли о том, что тетя Софи беспокоится, маленькое сердечко больно сжалось. Хоть бы никому не пришлось в голову искать ее в Дамбахе до возвращения дедушки!

Вдруг Маргарита услышала приближение быстро мчащегося всадника. С минуту она прислушивалась, окаменев от ужаса, потом вскочила и что есть духу пробежала вокруг пруда и залезла в непроходимый кустарник, разросшийся на противоположной его стороне, около железной решетки, отделявшей сад от двора фабрики. Всадник ехал со стороны города — это был отец, он искал ее.

Девочка залезла в самую середину колючего кустарника; белое платье было теперь разорвано, ноги тонули в болотистой почве. Не обращая на это внимания, она присела на мокрую землю и вся так сжалась, словно хотела совсем исчезнуть. Затаив дыхание и крепко сжав стучавшие зубы, слушала она, как отец заговорил с высунувшейся из окна служанкой, которая сказала ему, что видела, как девочка побежала к воротам — вероятно, вернулась в город.

Несмотря на это, Лампрехт поехал в сад. Грета услышала близкое фырканье Люцифера — папа, должно быть, скакал во весь опор, — потом увидела и самого всадника. Он объехал вокруг павильона; с лошади ему был виден весь небольшой сад с его лужайками и группами кленов и акаций.

— Грета! — кричал он во все темные уголки. Всякий бы понял, что в этом крике был только страх отца, боящегося за своего ребенка, но для маленькой девочки, неподвижно притаившейся в кустах и с безумным испугом следившей за движениями всадника, это был голос человека, который, склонившись над ней в темном коридоре, собирался то ли задушить, то ли растоптать ее.

Лампрехт повернул лошадь и выехал из сада. Кто-то прошел тяжелой походкой по двору, чтобы отворить ему ворота, — вероятно, это был работник фактора. Господин Лампрехт говорил с ним таким тихим, слабым голосом, точно у него пересохло в горле. Он спросил, скоро ли вернется тесть, и человек отвечал, что старый барин редко возвращается с вечеринок раньше двух часов ночи. Что они говорили еще, нельзя было расслышать. Лампрехт выехал за ворота, работник его проводил, но поехал он назад, в город, не по тракту, а по полевой дорожке.

Маленькая беглянка опять осталась одна. Когда оцепенение стало проходить, она почувствовала, как больно сжимают ее тело колючие ветки, как вода проникает сквозь тонкую ткань ее башмачков, а комары жадно кусают лицо и голые руки. Маргарита задрожала от ужаса: ей показалось, что все шевелится вокруг нее и под ее ногами. Собрав все силы, она стала продираться сквозь дикий кустарник, пока наконец последние крепкие побеги не выпустили ее, с шумом и треском сомкнувшись за спиной.

На небе одна за другой загорались звезды, но сидевшая, вжавшись в угол двери, девочка не замечала этого. Когда она поднимала отяжелевшие веки, то видела только, как мрак, все больше окутывая пруд, поглощал последние отблески воды, как темнели лужайки под деревьями; слышала звуки пробуждающейся ночной жизни: кричали сычи и с чердака павильона почти бесшумно, по-воровски, слетали летучие мыши. Как сквозь сон доносился до нее лай собак в деревне да башенные часы пробили еще две четверти. Много таких четвертей будут бить часы, пока не наступит два часа. Как страшно!

Она опять закрыла глаза и вообразила себя дома, в спальне. Окна выходили в тихий двор; слышался убаюкивающий плеск фонтана. Она лежала в белой мягкой постельке, а тетя Софи, пока она не заснет, обвевала ее горящее лицо и искусанные руки...

Да, заснуть и спать дома — вот чего она хотела. Девочка вскочила, как от толчка, при этой мысли и побежала, спотыкаясь, через двор на полевою дорогу. Выйдя за ворота, она перестала с тоской отсчитывать каждую четверть часа, даже не слышала боя часов, не думала о том, как далеко ей идти. Перед ней была только одна цель — большая прохладная комната, где она наконец приклонит свою пылающую голову и услышит добрый голос тети Софи.

О том, что будет потом, на другой день, она уже не думала.

И окоченевшие ножки побежали быстрее.

Наконец Маргарита достигла города. Во многих домах, мимо которых она проходила, уже едва волоча ноги, горел свет.

Но все было заперто, безмолвно, и только гулкие шаги усталого ребенка раздавались на мостике через речку. Она уже вошла под свод ворот пакгауза, как тут ее ждал новый удар: они были заперты на тяжелый замок, который висел так высоко, что детская рука не могла его достать. В висках застучало, и только прохлада протекавшей вблизи речки немного оживила ее и не дала потерять сознание.

Вдруг она услышала чьи-то твердые шаги на улице, и через несколько минут к воротам пакгауза подошел человек. На звездном небе ясно вырисовывались очертания его фигуры, и маленькая Маргарита узнала господина Ленца, жившего в пакгаузе, которого она любила за то, что он часто шутил с ней, когда она играла во дворе, и ласково проводил рукой по ее волосам, когда она приветливо ему кланялась.

— Впустите меня тоже! — хриплым голосом проговорила девочка, когда он отпер ворота и хотел войти.

Господин Ленц обернулся:

— Кто тут?

— Я, Грета!

— Как, хозяйская дочь?! Боже, малютка, как ты сюда попала?

Не отвечая, она старалась ухватиться за руку, которую он протянул, чтобы помочь ей встать, но не смогла подняться, тогда он взял ее на руки и внес во двор.

Глава 6

Была полная темнота. Ленц шел со своей ношей, пока наконец не наткнулся на дверь. Она бесшумно отворилась, и на них с крутой лестницы полился поток света.

— Это ты, Эрнст? — раздался сверху полный беспокойства голос.

— Да, я, собственной персоной, благодарение Богу, совершенно жив и здоров, Ганнхен! Здравствуй, моя дорогая!

Говоря это, Ленц показался из-за перил, и стоявшая наверху с лампой в руках госпожа Ленц отпрянула назад.

— Посмотри-ка, что я тебе принес, Ганнхен, подобрал это у ворот, — проговорил он, останавливаясь на верхней ступеньке, смеясь и вместе с тем обескураженно.

Госпожа Ленц поспешно поставила лампу на стол в передней.

— Дай мне дитя, Эрнст! — сказала она, озабоченно и торопливо протянув руки к малышке. — Ты так устал, бедняжка, а Гретхен надо сейчас же отнести домой, ее давно ищут. Боже, какая суматоха в большом доме! Все бегают, как безумные, а вопли старой Бэрбэ были слышны даже здесь.

— Поди ко мне, мой ангел! — ласково уговаривала она девочку. — Я отнесу тебя домой.

— Нет, нет! — испуганно отказывалась та, крепче прижимаясь к старику. Если все бегали дома, как безумные, значит, бабушка была внизу, и как все ни путалось в бедной головке малютки, но прием, который окажет старая дама, представлялся ей совершенно ясно. — Я не хочу домой! — повторила она, тяжело дыша. — Пусть тетя Софи придет сюда.

— Хорошо, хорошо, душечка. Мы позовем тетю Софи, — успокаивал ее Ленц.

— Как хочешь, моя крошка, — подтвердила его жена, с беспокойством прислушиваясь к хриплому, задыхающемуся голосу девочки и испытующе вглядываясь в ее осунувшееся личико. Потом, молча взяв лампу, она отворила дверь в комнаты.

— Бланка там, на галерее, — сказала жена в ответ на вопросительный взгляд, которым муж обвел комнату. — Она причесывала волосы на ночь, когда с парадного двора пришел кучер, спрашивая, не видели ли мы Гретхен. Но, боже мой, дитя, что с твоими ногами? — воскликнула вдруг госпожа Ленц, прервав свой рассказ, когда взгляд ее упал на покрытые тиной башмачки и пятна грязи, резко выступившие при свете лампы на светлом платье девочки. Поспешно ощупала она подол разорванной юбочки, насквозь пропитанной болотной водой.

— Девочка попала в воду, — испуганным шепотом сказала она своему мужу. — Ее надо поскорее переодеть во все сухое.

Посадив малютку на диван, она принесла теплой воды и полотенце, между тем как пришедшая молодая девушка, встав на колени, рылась в комоде.

И пока госпожа Ленц обмывала грязные ножки, все выстраданное в последние часы вылилось из взволнованного детского сердца.

Она с лихорадочной торопливостью рассказала, зачем она побежала к дедушке, об ужасах, пережитых в колючем кустарнике, о том, как боялась, что отец сойдет с лошади и найдет ее там; и что какая-то фигура ходит по темному коридору и пугает людей, и что комната не была заперта, конечно, не была... Она ясно слышала, как нажали ручку двери, потом кто-то, весь в белом, проскользнул через приоткрывшуюся щель, и под покрывалом были длинные волосы. А за то, что девушка так громко закричала, папа хочет теперь увезти Грету из дома и отдать в пансион.

В комнату вошла, задыхаясь от быстрого бега, тетя Софи и наклонилась над ребенком.

— Очевидно, у нее бред! Девочка тяжело больна. Все оттого, что с детской душой обращаются, как с плохим инструментом, и колотят по ней как заблагорассудится, — произнесла она с невыразимой горечью.

Она завернула девочку в плед, который принесла с собой, взяла ее на руки и протянула господину и госпоже Ленц руку. «Премного благодарна!» — все, что она сказала, уходя.

Внизу, во дворе, из темноты навстречу им выступила высокая фигура. Маргарита испугалась и задрожала, когда сильные руки подхватили ее и неистово прижали к груди — это был отец.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ